

Когда Ван Мо вошла на кухню, каша уже была готова. Белая фарфоровая чашка стояла на ее обычном месте, а на соседнем маленьком блюде лежала яичница — края подрумянились, желток посередине слегка возвышался, а на поверхности застыла тонкая белая пленочка, похожая на сложнейшую тончайшую вуаль.

Она села за стол, ножки стула со скрипом задели пол. Мама стояла к ней спиной и мыла кастрюлю у раковины; вода с шумом лилась какое-то время, а затем затихла.

Ван Мо опустила взгляд на яичницу. По краю шел неровный ободок хрустящей зажаристой корочки. Это приготовила мама, и Ван Мо узнавала этот уровень прожарки: краешки чуть темнее, серединка нежная, а самый внешний слой яичного белка слегка покрылся пузырьками. Точь-в-точь как в ее воспоминаниях.

Она не притронулась к палочкам для еды.

Сквозь окно свет пал ей на тыльную сторону ладони. Она мельком глянула на свои руки, а затем перевела взгляд обратно на яичницу в тарелке.

Она вспомнила.

В те последние годы той жизни в обычном мире, когда она лежала в больничной палате, многое уже не лезло в горло. Однажды в обед, принесенном медсестрой, оказалась яичница, и края у нее тоже были зажаренными. Она долго смотрела на эту миску, а потом отставила в сторону и не стала есть. Тогда ей вдруг подумалось: как же хорошо было бы съесть хоть кусочек маминой яичницы.

Тогда она знала, что пути назад уже нет.

Теперь она могла ее съесть.

От яичницы все еще поднимался пар — тонкий, едва заметный, клубящийся в утренних лучах. Она взяла палочки, подцепила яичницу и откусила кусочек. Края хрустели, и при укусе раздался тихий хруст. Белок оказался нежным и гладким, а желток таял на кончике языка, обжигая самую малость, отдавая ароматом масла и легким привкусом соли.

Она жевала медленно. Когда она сглотнула, в горле что-то на миг замерло — незаметно, словно на секунду прервалось, а затем она снова опустила голову и откусила еще кусок.

Мама вытерла руки полотенцем, отошла от раковины, выдвинула стул напротив и села, бросив на нее взгляд: — Чего это ты так медленно ешь?

— Горячо.

— Только со сковородки, конечно, горячо. — Мама придвинула свою чашку с кашей, тоже зацепила палочками немного солений, пару раз пережевала и добавила: — Вчера отпросилась и проотдыхала целый день, сегодня должна пойти в школу, верно?

— Пойду.

— Все уроки собрала?

— Собрала.

Ван Мо опустила голову и отправила в рот последний кусочек яичницы, пожевала немного и проглотила. Тарелка опустела, по краю остался масляный ободок, блестящий на свету. Она положила палочки на край тарелки — те легли параллельно, ровно-ровно.

Мама посмотрела на нее: — Чего это ты в последнее время такая послушная?

Ван Мо приподняла чашку и сделала глоток: каша была теплой, рисовые зернышки успели полностью развариться.

— Дальше буду только послушной.

Произнеся это, она не подняла глаз на мамино лицо. Она услышала легкий мамин смешок, а затем палочки звонко стукнули о край чашки.

— Ладно, я запомнила, — произнесла мама.

Ван Мо допила кашу, на дне проступил узор белого фарфора. Когда она встала, ножки стула снова чиркнули по полу — точно так же, как и в первый раз. Она отнесла чашку к раковине, поставила, открыла кран, сполоснула ее, а затем перевернула и поставила сушиться на решетку.

Мама спросила: — Портфель собрала?

— Собрала.

— Тогда иди, не опаздывай.

Ван Мо подошла к выходу обуваться. На обувной полке стояли те самые белые кроссовки, шнурки аккуратно завязаны, оба бантика одинакового размера. Она присела на корточки — шнурки уже завязаны, но она все же потянула за «ушки» бантика, а потом снова отпустила. Поднимаясь, она на мгновение замерла рукой на дверной ручке и оглянулась.

Мама сидела за столом, спиной к ней, низко наклонившись над чашкой с кашей. Утреннее солнце падало ей на плечи, волосы были собраны на затылке, а одна прядка выбилась из-за уха и легла на шею. Ван Мо смотрела на эту прядь целых две секунды.

Она толкнула дверь.

Ей навстречу хлынул солнечный свет — теплый, осыпавшийся на ее плечи и волосы. Она на секунду замерла на пороге: солнце заливало ступеньки и землю перед домом, и даже вечно затененный мох в углу двора ярко подсветился с одного края.

Она закрыла дверь и зашагала вперед. В воздухе пахло травой и листвой — легко, с чуть заметной примесью пыли. Ее тень ложилась в полушаге впереди, очерчивая на земле темном-серые контуры, которые покачивались в такт каждому шагу, словно маленькая бледная тень, неотступно следовавшая за ней.

Она подняла голову и глянула на небо. Небо было голубым, бледно-голубым, с редкими облаками.

— Скоро, — произнесла она про себя.

Система поинтересовалась: — Что скоро?

Она не ответила. Пройдя еще немного и завернув за угол, она почувствовала, как солнце падает сбоку прямо на левую половину ее лица. Она моргнула, и ресницы отбросили на свету крошечную тонкую тень.

Ей вдруг подумалось: как было бы здорово, если бы каждый день стояла такая погода. И вовсе не потому, что она боялась холода, или потому, что любила солнечные дни.

Просто в конце прошлой жизни небо всегда было серым. Когда она уходила, последнее, что она видела, было серое небо.

Она остановилась у перекрестка в ожидании зеленого сигнала светофора. Красный свет отразился на ее лице, она опустила взгляд на собственные руки — пальцы больше не дрожали. Она перевернула ладони вверх и поймала ими пригоршню солнечного света.

Сжав пальцы, она спрятала этот крошечный лучик в кулаке.

Система заметила: — Ты улыбаешься.

— Нет.

Она разжала ладонь и продолжила путь. Впереди показалась боковая калитка школы, железные ворота уже были распахнуты, и ученики поодиночке и группами направлялись внутрь. Она сбавила шаг, чуть отступив в сторону, чтобы пропустить ехавшего на велосипеде ученика; звонок звякнул, велосипед пронесся мимо, подняв легкий ветерок.

Ветер коснулся ее рукава. Она бросила взгляд на манжету, которую дуновением сначала раздуло, а затем опустило: пижама осталась позади, сегодня на ней была чистая белая школьная рубашка с коротким рукавом, без единой складки.

— Я хочу, чтобы такая погода, — проговорила она про себя, — стала нормой. А не исключением.

Система ничего не ответила. Но солнечный свет падал ей на затылок, согревая мягко и непрерывно. Она шагнула на территорию школьного двора.

Школьные деревья легко шевелили листвой на ветру, и сквозь ветки и листья просачивались лучи солнца, рассыпаясь по земле россыпью светлых пятен. Проходя мимо них, она на секунду замерла, наступив носком тусклого ботинка на одно из таких светлых пятен, а затем пошла дальше.

<http://bllate.org/book/21190/2145446>